

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ИЛЛЮЗИЯ «НОРМАЛЬНОСТИ»

Э. А. Иванян

Знакомство с опубликованными в США многочисленными трудами об американских президентах позволяет заключить, что многие буржуазные историки склонны гиперболизировать личную роль этих президентов в американской и мировой истории, нередко наделяя их несвойственными им качествами либо влиянием и приписывая им «решающую роль» в определении путей развития как американского общества, так и порою чуть ли не всего мира. Не менее решительно буржуазные историки «расправляются» с теми государственными деятелями, которые по тем или иным причинам не оправдали надежд, возлагавшихся на них правящим классом страны. Конечно, с каждым из американских президентов связываются определенный этап истории США, те или иные события в самих Штатах и на международной арене, курс внешней и внутренней политики этого государства. Однако при оценке буржуазными историками и социологами общественных последствий пребывания того или иного президента у власти проявляется любопытная закономерность. Если успехи американской внешней или внутренней политики, а также экономики объясняются «преимуществами» капиталистического строя и личными достоинствами государственного лидера, руководствующегося в своей деятельности «национальными интересами», то провалы и неудачи в этих областях приписываются, как правило, лишь неразумности или неподготовленности соответствующего главы государства. Таким способом пороки современного капиталистического общества объясняются не его природой, а просчетами и заблуждениями отдельных лидеров.

Превознося одних президентов и дискредитируя других, буржуазные историки ставят во главу угла не общественные условия, в которых действуют эти государственные лидеры, а некие индивидуальные черты их характера. В анализе подобного рода на первый план неизбежно выступают не социальные факты, определяющие политический курс того или иного главы государства и его администрации, а его «помыслы и чувства», существующие-де независимо от конкретной общественной среды и интересов правящего класса.

Между тем верность классовым интересам капитала является общим моментом для обеих основных буржуазных политических партий США и принадлежащих к этим партиям государственных деятелей, будучи признаком «идеологической чистоты» в том смысле, в каком она понимается монополистической буржуазией. Любая принципиальная оппозиция интересам правящего класса вынесена в наши дни за рамки буржуазных политических партий США, их внутрипартийной или межпартийной борьбы.

«Монополия, раз она сложилась и vorочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает *все* стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей»¹, — писал В. И. Ленин. Располагая огромным капиталом, монополия США получили возможность в полном смысле слова покупать услуги политических деятелей, проявляющих явную готовность «оправдать доверие» определенных кругов, оказывающих им финансовую и иную поддержку. На американской политической арене появляются лица, выступающие в качестве выразителей и рьяных защитников интересов тех или иных монополистических объединений и финансовых групп. В этих условиях борьба между ведущими бур-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 355.

жуазными политическими партиями, особенно в период избирательных кампаний, является отражением ожесточенной конкурентной борьбы между основными группировками монополистического капитала за практическую и многообещающую возможность влиять на решение на государственном уровне стоящих перед страной внешнеполитических и внутривнутриполитических задач. Победа того или иного кандидата на президентских выборах в США является уже не только и не столько его индивидуальной победой (и даже не победой стоящей за ним политической партии), сколько торжеством политического и экономического курса, отвечающего интересам поддерживающих этого кандидата монополистических кругов Соединенных Штатов. Существующая государственная политическая структура обеспечивает полное соблюдение интересов монополистического капитала США независимо от исхода борьбы за президентское кресло.

В. Вильсон признавал в свое время, что «хозяевами Соединенных Штатов являются объединенные капиталисты и промышленники Соединенных Штатов»². За прошедшие с тех пор без малого 60 лет американская история обогатилась многочисленными фактами, свидетельствующими о прямом и постоянном использовании капиталом своей власти. В данном очерке пойдет речь о деятельности двух американских президентов 1920-х годов — Гардинга и Кулиджа.

Политическая обстановка в США накануне президентских выборов 1920 г. осложнилась начавшимся в мае экономическим кризисом. Внезапное падение оптовых цен захватило врасплох американских промышленников и коммерсантов, испытывавших в то время значительные трудности в сбыте готовой продукции. Страна была наводнена товарами, не находящими сбыта. Кризис перепроизводства вызвал необходимость существенного сокращения промышленного производства, что не замедлило сказаться на сокращении объема внешней торговли. Прибыли американских корпораций, достигавшие 8 млрд. долл. в 1919 г., два года спустя составили менее 1 млрд. долларов. Свыше 50% американских компаний полностью разорились, а число обанкротившихся компаний достигло в 1921 г. 19 700³. Экономический кризис привел к серьезному ухудшению положения американского рабочего класса: безработица возросла с 7,2% в 1920 г. до 23,1% в 1921 г., резко упала реальная заработная плата трудящихся⁴.

Экономический кризис еще более осложнил положение правящей демократической партии накануне избирательной кампании 1920 года. Политические и промышленно-финансовые круги страны, традиционно поддерживавшие демократов, не имели сомнений на тот счет, что больной президент В. Вильсон вышел из политической игры и что в создавшейся обстановке делать ставку на него означало бы сдачу своих позиций без боя. Сложность предвыборной ситуации заключалась не столько в том, что демократическая партия лишилась Вильсона, сколько, прежде всего, в том, что партия не располагала перспективным, с точки зрения боссов, кандидатом на пост президента. Сам Вильсон отказывался назвать рекомендуемого им преемника и настаивал на созыве съезда без предварительного согласования лидера партии. Обстановка усугублялась и тем обстоятельством, что Вильсон, заявляя публично о своем невмешательстве в работу национального съезда, в глубине души надеялся, что, оказавшись в безвыходном положении, делегаты съезда будут в конечном счете вынуждены вновь обратиться к нему.

Не менее сложной была обстановка и в республиканской партии, лидеры которой вплоть до дня созыва своего национального съезда так и не смогли решить вопроса: кто же является наиболее перспективным кандидатом в президенты? Это привело к тому, что созданный в июне 1920 г. республиканский национальный съезд зашел в тупик, ибо ни один из предлагавшихся на его рассмотрение кандидатов не смог заручиться поддержкой большинства собравшихся делегатов. Несколько кандидатов республиканской партии (в частности фаворит военно-промышленных кругов генерал-майор Л. Вуд и губернатор штата Иллинойс, зять железнодорожного магната Пульмана Ф. Лоуден) вышли из игры после скандальных разоблачений в прессе их финансовых взаимоотношений с крупными трестами. Журналистам удалось, по всей вероятности, не

² W. Wilson. The New Freedom. L. 1916, p. 48.

³ «The Nation», vol. 129, № 3355, October 23, 1929, p. 460.

⁴ П. К. Фигурнов. Марксистско-ленинская теория кризисов. М. 1939, стр. 83.

без помощи конкурентов генерала, раздобыть сведения о том, что из истраченных Вудом на свою предвыборную кампанию 1 252 тыс. долл. более половины было ассигновано «мыльным королем» из штата Огайо Проктером. Среди кандидатур, приемлемых для руководства республиканской партии, был и миллионер Г. Гувер. Однако его попытка воспользоваться сложной ситуацией в партии и выставить свои условия соглашения баллотироваться не пришлось по вкусу лидерам республиканцев.

К концу пятого дня работы республиканского съезда боссы партии, собравшись в наполненной табачным дымом комнате чикагского отеля «Блэкстоун», решили рекомендовать делегатам кандидатуру сенатора Уоррена Г. Гардинга из штата Огайо. (С тех пор американский политический словарь обогатился новым термином «прокуренная комната», символизирующим закулисные сделки между партийными боссами.) Как свидетельствуют американские авторы, Гардинга вызвали в эту комнату и спросили, готов ли он поклясться перед богом, что в его прошлом нет никаких темных моментов, препятствующих выдвижению его кандидатуры на пост президента США? Вместо ответа Гардинг попросил разрешения удалиться, поскольку, по его словам, ему необходимо было «проконсультироваться с господом богом». Возвратившись в комнату по прошествии 10 минут, Гардинг решительно заявил, что его прошлое незапятнано (он так и не «вспомнил» о своей второй семье) и ничто, как он полагал, не может быть использовано против него⁵. Республиканский съезд согласился с рекомендацией участников сговора в «прокуренной комнате» и утвердил кандидатуру сенатора из штата Огайо. Кандидатом на пост вице-президента неожиданно для всех и для него самого был утвержден губернатор штата Массачусетс Кальвин Кулидж. До недавнего времени он был абсолютно неизвестен рядовым американцам и, будучи губернатором штата, не игравшего сколько-нибудь заметной роли во внутриполитической жизни США, не мог рассчитывать на личный политический успех. Однако в сентябре 1919 г. его имя стало ежедневно появляться на страницах американских газет в связи с его ролью в подавлении забастовки полицейских в Бостоне. Но столь сомнительная реклама сыграла на руку Кулиджу, и с тех пор его имя и провозглашенное им кредо «законность и порядок» стали пользоваться известностью в стране.

В предвыборной платформе республиканская партия критиковала президента Вильсона, но в отношении основной внешнеполитической проблемы того времени — Версальского мирного договора и участия США в Лиге Наций — ее позиция была весьма неопределенной. Да и сам Гардинг вплоть до завершения президентской кампании 1920 г. не решался выступить ни с критикой, ни в поддержку идеи вступления США в Лигу Наций, боясь потерять голоса избирателей, придерживавшихся противоположных точек зрения. Как вспоминал впоследствии видный республиканский политический деятель У. Уилки, в частных беседах Гардинг «давал каждому такой ответ, который тому хотелось услышать». И лишь после получения окончательных результатов президентских выборов Гардинг открыто назвал Лигу Наций «ныне покойной»⁶.

Демократы, собравшиеся на съезд в июне 1920 г., утвердили свою политическую платформу, одобрявшую деятельность Вильсона на посту президента США, но также предпочли, по всей видимости, по тем же причинам, что и республиканцы, не акцентировать внимания на сложной проблеме своего отношения к Лиге Наций. Ряд вопросов, связанных с послевоенным международным сотрудничеством Соединенных Штатов, был оставлен демократами открытым. После продолжительной борьбы делегаты съезда утвердили кандидатом демократической партии на пост президента губернатора штата Огайо Джеймса М. Кокса. Вопрос о кандидатуре вице-президента был разрешен значительно быстрее: демократы вспомнили энергичного заместителя министра военно-морского флота в правительстве Вильсона 38-летнего Франклина Д. Рузвельта. Поддержанная Коксом, эта кандидатура не вызвала возражений со стороны делегатов национального съезда.

Развернувшаяся после съездов предвыборная борьба требовала огромных средств. Недостатка в пожертвователях республиканская партия не ощущала, чего нельзя было сказать об их конкурентах — демократах. Лицемерное заявление республиканского национального комитета о том, что он будет отвергать пожертвования, превышающие

⁵ M. Moos. The Republicans. N. Y. 1956, pp. 316—317.

⁶ W. L. Willkie. One World. N. Y. 1943, p. 172.

тысячу долларов, всерьез никем не воспринималось, ибо с готовностью брались и гораздо более крупные взносы. Внушительную сумму внесли в кассу республиканцев нефтяные монополии, что сыграло немаловажную роль в исходе борьбы за Белый дом.

Избирательная кампания 1920 г. существенно отличалась от предшествовавших кампаний. Она была первой послевоенной избирательной кампанией в Соединенных Штатах. Монополистический капитал страны нуждался в «передышке» для переучета приобретенных в результате мировой войны богатств и определения форм и направлений дальнейшей политической и экономической экспансии. Правящие круги США испытывали нужду в такой передышке, чтобы уяснить, что было и чего не было сделано в чрезвычайных условиях участия страны в мировой войне. Действительно жаждал отдыха уставший от войны и связанного с ней усиления эксплуатации американский народ. В этих условиях предвыборное обещание республиканцев обеспечить стране в случае избрания их кандидата «возвращение к нормальным временам» нашло достаточно отзывчивую аудиторию. В отличие от предыдущих кампаний, в 1920 г. американским избирателям были предложены на выбор сразу две «темные лошади» из штата Огайо, выдвинутые двумя ведущими политическими партиями США. Ни Кокс, избранный демократическим съездом из числа 23 возможных кандидатов, «разыгрывавшихся» в первом туре голосования, ни Гардинг, навязанный республиканскому национальному съезду партийными боссами из «прокуренной комнаты», не пользовались известностью и, следовательно, не могли рассчитывать на победу в силу личных заслуг. В кампании 1920 г. в большей степени, чем когда-либо раньше, развернулась борьба между влиятельными группировками, стоявшими за этими кандидатами.

Задолго до начала избирательной кампании 1920 г. представители деловых кругов США, заинтересованные в развитии экономических и финансовых связей с Советской Россией, уполномочили крупного нью-йоркского банкира, президента «Нэшнл Сити Бэнк» Ф. Вандерлипа вступить в переговоры с соответствующими советскими организациями по вопросу о предоставлении концессий. Вандерлип обратился с письмом в Совет Народных Комиссаров РСФСР, в котором, в частности, выразил надежду на победу республиканской партии в ходе предстоящих выборов. В результате переговоров с советскими организациями был заключен проект соглашения о концессиях, которые Советское правительство готово было предоставить американскому капиталу, исходя из политических и экономических интересов пролетарского государства. По настоянию Вандерлипа, выражавшего точку зрения поддерживавших Гардинга финансово-монополистических кругов США, проект соглашения должен был оставаться в тайне до окончания президентских выборов. Но сведения о существовании такого проекта проникли в американскую печать. Гардинг немедленно выступил с заявлением, опровергавшим утверждение, что он ведет через Вандерлипа переговоры с большевиками. В. И. Ленин так охарактеризовал действия кандидата республиканской партии незадолго до выборов: «Его опровержение было очень категорическое, почти следующего характера: Вандерлипа не знаю и никаких сношений с Советской властью не признаю. Но совершенно понятно, чем было вызвано такое опровержение. Накануне выборов в буржуазной Америке прослыть сторонником соглашения с Советской властью для Гардинга значило потерять, может быть, несколько сот тысяч голосов, и поэтому он поспешил опубликовать, что он никакого Вандерлипа не знает»⁷.

В ходе избирательной кампании 1920 г. впервые была предпринята попытка проведения широкого опроса общественного мнения. Еженедельник «Literary Digest» разослал по стране несколько миллионов почтовых открыток своим подписчикам, запрашивая их мнение об основных кандидатах на пост президента и их шансах на победу. Результаты опроса продемонстрировали явное преимущество республиканского кандидата. На выборах 1920 г., в которых впервые голосовали американские женщины, за Гардинга отдали свои голоса более 60% американских избирателей, принимавших участие в выборах (16,1 млн. человек). Кандидат демократов Кокс получил 9,1 млн. голосов избирателей. Остальные 4 кандидата, представлявшие более мелкие партии, в общей сложности набрали около 1,4 млн. голосов. Особенностью президентских выборов 1920 г. явилось то, что в них приняло участие всего 58%

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 96.

контингента лиц, имеющих право голоса. Это значило, что на избирательные участки не явилось более 24 млн. избирателей, а за Гардинга, получившего подавляющее большинство голосов, проголосовало лишь 35 % американцев из общего числа зарегистрированных избирателей⁸. Следовательно, он был избран президентом Соединенных Штатов меньшинством американцев.

Но, так или иначе, после восьмилетнего перерыва в Белый дом въезжал кандидат республиканцев. Позднее историки пытались разобраться с обстоятельствами появления Гардинга на американской политической арене. Согласно имеющимся данным, в конце 80-х годов XIX в. он стал издателем газеты «Marion Star» в провинциальном городке штата Огайо. Приобретя эту газету с помощью влиятельных друзей — местных боссов республиканской партии, Гардинг вскоре превратил ее в рупор своих покровителей, активно выступая, в частности, против кандидатуры Т. Рузвельта в ходе президентских выборов 1912 года. До 1915 г. сфера деятельности Гардинга ограничивалась родным штатом Огайо, где он особо отличился как рьяный защитник интересов магнатов сталелитейной промышленности.

В 1915 г. с помощью группы местных финансовых заправил во главе с Г. Догерти Уоррен Гардинг становится сенатором США. Четыре года спустя Догерти и его «банда» (так позднее прозвали в Вашингтоне эту группу нечистых на руку дельцов) решили протолкнуть Гардинга в Белый дом, несмотря на то, что его поддерживали даже не все члены делегации штата Огайо на национальном съезде республиканской партии. В мемуарах Догерти писал: «Мы живем в крутую эпоху. Ни один человек в нашей стране не становится президентом по воле миллионов... Все президенты делаются организацией». Такой организацией, способной «делать президентов», Догерти считал республиканский комитет штата Огайо, единоличным боссом которого он являлся. Без ложной скромности Догерти признавался: «Летом 1919 г. я убедился в том, что его (Гардинга. — Э. И.) час пробил, что он должен немедленно включиться в предвыборную борьбу и что нам следует заняться консолидацией сил вокруг него»⁹. Уже на позднем этапе борьбы многочисленных фракций в республиканской партии, пытавшихся протолкнуть своих кандидатов, Догерти с цинизмом не брезгующего никакими средствами для достижения цели политического интригана предсказал: «Съезд пойдет в тупик, и после того, как другие кандидаты выдохнутся, 12 или 15 измученных бессонницей и с затуманенными от недостатка сна глазами человек усядутся где-то около двух часов утра вокруг стола в прокуренной комнате одного из отелей и решат вопрос о кандидате. И когда настанет это время, выбор падет на Гардинга»¹⁰.

Именно так все и произошло. Более опытные кандидаты республиканской партии выбыли или взаимно исключили друг друга из игры, в частности потому, что стоявшие за ними политические и деловые круги не хотели уступать ни в предсъездовой борьбе, ни в зале работы национального съезда. В подобной ситуации одержать верх мог человек, кандидатура которого не вызвала бы особого сопротивления со стороны партийных боссов, хотя, возможно, и не возбуждала особого энтузиазма. Как раз таким человеком оказался обладатель голоса приятного тембра и «внешности президента» Гардинг.

Еще будучи сенатором, Гардинг старался не говорить и не делать чего-либо такого, что могло бы не понравиться представителям «большого бизнеса». Но уже в те годы он пользовался репутацией пьяницы и игрока, хотя, впрочем, и «неплохого парня». Как утверждают американские историки, в один из весьма редких в его жизни моментов творческого вдохновения Гардинг изобрел термин «нормальность», по «недосмотру» языковедов отсутствовавший до тех пор в английском языке. Это слово стало лозунгом республиканской партии в ходе предвыборной кампании 1920 года. Еще до того, как послушные делегаты республиканского съезда согласились с рекомендацией политических дельцов из «прокуренной комнаты», один из сенаторов-старожилов Капитолия цинично заметил, что сенату пужен такой человек на посту

⁸ A. M. Schlesinger, E. M. Eriksson. The Vanishing Voter. «The New Republic», October 15, 1924, pp. 162—167.

⁹ H. M. Daugherty. The Inside Story of the Harding Tragedy. N. Y. 1932, pp. 8, 14.

¹⁰ Цит. по «Guide to Conventions and Elections». N. Y. 1964, pp. 240—241.

президента страны, который «подписывал бы любые законопроекты, посылаемые ему сенатом, а не направлял бы свои законопроекты на подпись в сенат»¹¹. Гардинг оказался именно таким человеком.

Уже первые законы, подписанные им, убедили монополистические круги США и их представителей в конгрессе в том, что они не ошиблись в своем выборе. Республиканское правительство отменило государственный контроль за деятельностью синдикатов и трестов и закон военного времени о налоге на сверхприбыль, что не замедлило сказаться на усилении эксплуатации широких трудящихся масс и росте и без того высоких прибылей монополий. «Наша партия голодала в течение восьми лет. Ее члены жаждали получить теплые места и стремились обеспечить для себя посты. Они верили в то, что я смогу им помочь. И я был готов сделать все, что мог»¹², — писал Догерти, вспоминая о тех днях, когда формировалось правительство Гардинга. На правах единоличного вершителя судеб при обязанном ему своей политической карьерой президенте Догерти принялся за распределение наиболее ответственных постов.

Республиканский кабинет был сформирован из лиц, в той или иной мере связанных с финансово-монополистическим капиталом США и уже имевших возможность доказать «большому бизнесу» свою готовность рьяно отстаивать его интересы. По настоянию Догерти министром финансов был назначен крупный банкир и промышленник, один из богатейших людей США Э. Меллон. Государственным секретарем стал Ч. Э. Юз, министром торговли — Г. Гувер, министром почт назначен У. Хейс, единственной «заслугой» которого перед американским обществом было то, что ему удалось, используя свои обширные связи в деловых кругах, изыскать пути финансирования республиканской кампании 1920 года. Не были забыты и люди, оказавшие те или иные услуги Гардингу и республиканской партии в ходе избирательной кампании. Министерство юстиции возглавил сам Догерти, который, не теряя времени, вскоре начал шантажировать нарушителей «сухого закона», предлагая им выбрать между выплатой ему крупной взятки и возбуждением против них судебного дела. Спустя два месяца после принесения присяги в качестве президента США Гардинг подписал указ о передаче контроля над нефтяными ресурсами военно-морского флота из министерства военно-морского флота в ведение министерства внутренних дел, во главе которого был поставлен близкий друг президента и ставленник Догерти А. Фолл. Последний не замедлил тут же передать право на эксплуатацию нефти крупным нефтепромышленникам Догени и Синклеру, финансировавшим предвыборную кампанию республиканцев и приплатившим, кроме всего прочего, кругленькую сумму в размере 400 тыс. долл. Фоллу за умелое осуществление этой операции. Сами нефтепромышленники не без оснований рассчитывали на получение не менее 100 млн. долл. в результате передачи им лицензии на эксплуатацию этих нефтяных месторождений.

Коррупция в правительстве достигла небывалых размеров уже в первый год пребывания Гардинга в Белом доме. Директор Управления помощи ветеранам Ч. Форбс использовал в личных целях 250 млн. долл., отпущенных конгрессом на нужды ветеранов. Хранитель имущества иностранцев Т. Миллер расхищал поступления в бюджет вверенного ему учреждения с безнаказанностью близкого к Гардингу и Догерти человека. Ставленники и друзья Догерти обогащались, похищая и нелегально распродавая спиртные напитки с государственных складов.

Еще до того, как стали известны стране мошеннические сделки близких к президенту людей, американский политический обозреватель и журналист У. Липпман, как бы предвосхищая развитие событий, предупреждал: «Если господин Гардинг хочет, чтобы из него получилось нечто определенное, а не просто некая инстанция, где решается исход всех политических столкновений, он должен стать реальной личностью, прибегнув к тому единственному способу, который открыт человеку с его интеллектуальными данными. Он не может взобраться на горную вершину и обозревать оттуда мир. Он не может уединиться и заняться поиском истины. Он не может изучать кипу бумаг и выработать на этой основе политический курс. Он должен консультироваться с теми, кому он доверяет: таков единственно открытый для него путь. И это

¹¹ H. U. Faulkner. From Versailles to the New Deal. New Haven. 1950, p. 41.

¹² H. M. Daugherty. Op. cit., p. 70.

хороший путь, если он знает, кому доверять, и плохой путь, если он не знает, кому доверять»¹³.

Бывший президент Вильсон, внимательно следивший за деятельностью своего преемника в Белом доме, весьма скептически относился к Гардингу, называя его человеком с «одноэтажным разумом»¹⁴. Располагая некоторым журналистским опытом и имея за своей спиной годы участия в политической жизни сначала своего штата, а затем и американской столицы, Гардинг мог написать и произнести заурядное заявление, но и только. Недаром один из близких к нему людей сенатор Пенроуз как-то посоветовал друзьям будущего президента: «Не выпускайте Уоррена из дома. Не позволяйте ему делать какие-либо заявления. Если он отправится в поездку, ему обязательно кто-нибудь задаст вопросы, а Уоррен достаточно глуп, чтобы попытаться ответить на них»¹⁵. Официальные выступления президента, по воспоминаниям одного из видных американских сенаторов, Мак-Аду, «оставляли впечатление армии помпезных фраз, продвигающейся по необъятной территории в поисках мысли»¹⁶.

Современники Гардинга писали позднее, что с приходом нового президента в Белом доме воцарилась атмосфера сонного провинциального городка. Очевидцы рассказывали, что в кабинете президента всегда пребывало много бездельничавших личностей, а рабочий стол Гардинга постоянно находился в беспорядке: среди официальных документов и бумаг можно было увидеть игральные карты и фишки, повсюду стояли бутылки с виски (и это в условиях «сухого закона», за сохранение которого публично высказывался президент). Действительным хозяином Белого дома в те годы стала «банда Догерти», переселившаяся из штата Огайо в столицу. Дочь Т. Рузвельта, жена спикера палаты представителей, вспоминала, что в кабинете президента царил атмосфера расстегнутых жилетов, задранных на стол ног и плевок в урны через всю комнату¹⁷.

Справедливости ради надо сказать, что Гардинг, по всей видимости, понимал свою беспомощность и непригодность к исполнению обязанностей главы государства. По прошествии некоторого времени внимание американской общественности было привлечено к разоблачению скандальных историй, в которых оказались замешанными лица из ближайшего окружения президента, в первую очередь «верховный законник» Соединенных Штатов, министр юстиции Догерти. Его дважды привлекали к судебной ответственности за взяточничество и мошенничество, но оба раза жюри не смогло вынести единодушный приговор, и судебное дело прекращалось. Министр внутренних дел Фолл оказался менее удачливым: он был приговорен к денежному штрафу в 100 тыс. долл. и годичному тюремному заключению за злоупотребление служебным положением, взятки и мошенничество в руководимом им министерстве.

За сенсационными разоблачениями вскоре последовали неожиданные самоубийства и несчастные случаи со смертельным исходом. По странному стечению обстоятельств среди жертв оказались лица, тесным образом связанные с министрами юстиции и внутренних дел, с президентом и непосредственно замешанные в мошеннических операциях и хищениях. Дж. Смит, доверенное лицо Догерти, получавший взятки от его имени, покончил жизнь самоубийством (по-видимому, был умышленно). То же самое сделал С. Крамер, адвокат Управления помощи ветеранам. Внезапно скончались адвокат хранителя имущества иностранцев Тёрстон, доверенное лицо Догерти С. Хейтли, один из ответчиков по делу имущества иностранцев, Д. Кинг.

Трудно сказать, в какой степени президент был информирован о скандальной деятельности своих друзей. Но еще труднее предположить, что он об этом ничего не знал. Тем лицемернее звучали слова Гардинга, обращенные к жителям Солт Лейк Сити, которые собрались, чтобы послушать приехавшего в их город президента. Выступая в этом городе, он заявил: «Если бы я мог настоять на соблюдении всем аме-

¹³ W. Lippman. Hail and Farewell. «Vanity Fair», April 1921.

¹⁴ A. M. Schlesinger. The Crisis of the Old Order. The Age of Roosevelt. Boston. 1957, p. 50.

¹⁵ «The American Heritage Pictorial History of the Presidents of the United States», 1968, vol. 2, p. 728.

¹⁶ Цит. по: L. Henry. Presidential Transitions. Washington. 1960, p. 141.

¹⁷ Цит. по: A. M. Schlesinger. Op. cit., p. 50.

риканским народом одного-единственного правила, под которое попадали действия каждого из них как индивидуума и каждой политической или корпоративной единицы, таким правилом было бы умение при всех обстоятельствах расходовать несколько меньше своего дохода. Не спускайте глаз с тех, кто руководит от вашего имени вашими правительственными учреждениями, вашим городом, вашим графством, вашим штатом, вашим национальным правительством. Доведите до их сведения, что вы придерживаетесь правила бережливости и экономности в ваших личных делах, и требуйте, чтобы они применяли его в процессе управления вашими общенародными делами. Если они не оправдают ваших надежд, найдите других должностных лиц им на замену»¹⁸. В другом городе Гардинг призывал американцев хотя бы изредка задавать себе вопрос «Что я могу сделать для моего города?», вместо того, чтобы вопрошать: «Что я могу получить от моего города?»¹⁹. (Интересно, что эти слова Гардинга в несколько иной интерпретации были повторены почти через 40 лет 35-м президентом США Дж. Кеннеди.)

Еще до того, как началась волна скандальных разоблачений, и прежде чем американцы стали задавать себе вопрос, какую роль во всех этих мошеннических операциях играл президент, Гардинг скорострительно скончался. По свидетельству историков, это произошло следующим образом. В июне 1923 г. президент с женой в окружении многочисленных друзей, советников и представителей прессы отбыл на Аляску. Как потом вспоминали находившиеся с ним в течение всей поездки по стране газетчики, президент казался чем-то обеспокоенным. Эта обеспокоенность особенно усилилась после его беседы с женой Фолла, с которой он встретился в пути. Будучи на Аляске, Гардинг получил длинное шифрованное послание из Вашингтона и в последующие два дня казался на грани серьезного психического расстройства. Он даже спрашивал у одного из близких ему людей, что должен делать президент, узнав о предательстве друзей. «Мне не доставляют беспокойства мои враги. Я могу и сам неплохо справиться с моими врагами. Но мои проклятые друзья, мои богом проклятые друзья, Уайт, вот кто вынуждает меня проводить бессонные ночи»²⁰.

По возвращении президентского кортежа с Аляски было объявлено, что у Гардинга пищевое отравление. Спустя пять дней, 2 августа 1923 г. президент скончался. Его смерть, по признанию многих современников, а также историков, была как нельзя кстати: разразившийся скандал угрожал компрометацией главе государства и многим членам его кабинета. Действительные обстоятельства смерти Гардинга долго еще волновали газетчиков и интересовали американскую общественность. В воспоминаниях и в печати высказывались многочисленные предположения, среди которых наиболее популярной была версия самоубийства президента, потрясенного предательством своих друзей. Не менее широко распространенными были слухи об убийстве президента во имя спасения престижа республиканской партии. В качестве причины смерти президента как в те дни, так и позднее назывались и пищевое отравление, и кровоизлияние в мозг, и осложнение после воспаления легких, и закупорка кровеносных сосудов²¹.

До сих пор еще не ясны обстоятельства опубликования официального заключения о смерти Гардинга. Это более чем странно, имея в виду, что речь идет о скорострительно скончавшемся главе государства. Не смог пролить дополнительного света на последние дни жизни Гардинга и вице-президент Кулидж. В опубликованной позднее автобиографии он с присущей ему осторожностью писал: «Мы (с женой.— Э. И.) покинули президента и госпожу Гардинг в Вашингтоне. Я не знаю, по каким причинам ухудшилось его здоровье. Правда, я знаю, что он был очень грузен. Позднее стало известно, что он узнал о предательстве тех, кому он доверял, и был вынужден призвать их к ответу. Не является секретом, что это очень серьезно печалило его,

¹⁸ W. G. Harding. Speeches and Addresses... Washington. 1923, p. 145.

¹⁹ Ibid., p. 31.

²⁰ J. D. Barber. The Presidential Character. Predicting Performance in the White House. Prentice-Hall. 1972, p. 191.

²¹ См. Ф. Кент. Политические нравы Соединенных Штатов. М. 1930; Н. М. Daugherty. Op. cit.; А. М. Schlesinger. Op. cit.; Н. Агар. The American Presidents. From Washington to Harding. L. 1936.

возможно, даже в большей степени, чем он мог вынести. Больше я его не видел. В июне он отправился на Аляску — и в вечность»²².

Американский историк К. Росситер составил в свое время своеобразную таблицу, в которой имена американских президентов были расположены в зависимости от их популярности и значимости вклада в историю развития Соединенных Штатов. Список 34 президентов США (по состоянию на 1956 г.) завершается именами Пирса, Бьюкенена, Гранта и Гардинга как наиболее слабых из числа занимавших пост президента. Правда, Росситер находит все же в этих четырех президентах некоторые личные качества, позволившие ему сказать немного добрых слов о каждом из них. Он писал: «Бьюкенен был человеком с богатым опытом, Грант — несомненно, крупным генералом, а Гардинг — добрым человеком, но каждый из них по-своему являлся чуть ли не бедствием для президентского поста»²³. Биограф Гардинга С. А. Адамс откровенно признал: «Кончина Гардинга не была безвременной трагедией. Он умер вовремя»²⁴. Этой нелестной эпитафией можно завершить историю краткого пребывания в Белом доме 29-го президента США.

«Вице-президент является фактически пятым колесом в телеге... Этот пост — не что иное, как ступенька к забвению. Боюсь, что моя звезда закатилась», — заявил Т. Рузвельт после того, как он был избран вице-президентом США. Но, став после убийства Маккинли президентом, Рузвельт утверждал уже обратное. «Высока честь и велико достоинство этого поста, — говорил он, — ни один человек, недостойный стать президентом, не должен его занимать»²⁵. Высказывая свою новую точку зрения на должность вице-президента, Рузвельт, вне всякого сомнения, хотел подчеркнуть, что, вопреки традиционно несерьезному отношению к подбору кандидатуры и избранию вице-президента США, государственный деятель, занимающий этот пост, по своим личным и деловым качествам достоин быть и президентом. Стремление Рузвельта представить в лучшем свете личность вице-президента было столь же очевидным, сколь и понятным.

Выводя кандидатов на этот пост, делегаты национальных съездов ведущих политических партий США меньше всего думают о не столь уж редких в американской истории случаях, когда вице-президент был вынужден заменять внезапно скончавшегося или павшего от руки убийцы президента. На партийных съездах вопрос о вице-президенте обычно решается под занавес, когда делегаты окончательно измотаны многодневными политическими дебатами, устали от бесконечных театрализованных выступлений сторонников того или иного кандидата, оглохли от непрекращающегося шума, свиста и криков с галерок, занятых гостями. Кроме того, вопрос о вице-президенте является по традиции вопросом чисто тактического плана, вопросом внутрипартийной механики и правильной расстановки политических сил с целью обеспечения победы кандидатов и партии на предстоящих выборах. В результате такого подхода к избранию кандидатуры вице-президента на этом посту нередко оказывались лица, малоприспособленные в силу своих личных качеств к выполнению функций верховного администратора страны.

К категории именно таких лиц и принадлежал вице-президент Кулидж, известный под именем «молчаливый Кэл». Догерти, приписывавший себе инициативу многих решений Гардинга, вспоминал, что именно по его предложению президент пригласил Кулиджа принимать участие в заседаниях кабинета министров; «г-н Кулидж более чем оправдал мои предсказания... Он был замечательным слушателем..., никогда не вмешивался с предложением своей точки зрения, если его об этом не просили»²⁶. В ночь на 3 августа 1923 г. в коттедж городка Плимут (штат Вермонт) была доставлена с нарочным телеграмма Догерти, извещавшая гостившего у своего отца вице-президента Кулиджа о кончине президента Гардинга. В телеграмме предлагалось Кулиджу незамедлительно принести присягу на пост президента. Выход был найден неожиданно быстро: отец вице-президента, являвшийся местным судьей, принял присягу у своего сына на библии, принадлежавшей покойной матери Кулиджа.

²² С. Coolidge. The Autobiography. L. 1929, p. 168.

²³ С. Rossiter. The American Presidency. N. Y. 1956, p. 80.

²⁴ «The American Heritage», p. 724.

²⁵ Цит. по: «Guide to Conventions and Elections», p. 223.

²⁶ H. M. Daugherty. Op. cit., p. 278.

Спешить в Вашингтон не было смысла. Так Кулидж стал 30-м по счету президентом США ²⁷.

Перед ним стояла сложная задача: по возможности без особого шума избавиться от наиболее отвязанных и беззастенчивых взяточников и мошенников из числа близких друзей покойного президента, хотя многие из них получили теплые местечки в правительстве с его же, Кулиджа, молчаливого согласия. Обещав американцам сохранение «статус-кво», Кулидж в то же время хотел показать, что под этим обещанием вовсе не имеется в виду проявление прежнего терпимого отношения к коррупции в правительстве. Но новый президент был далек от мысли провести тщательную чистку государственного аппарата. С занимаемых в правительстве постов было уволено лишь несколько человек, дальнейшее пребывание которых на государственной службе могло бросить тень на нового президента. Министру юстиции Догерти Кулидж предложил подать в отставку лишь в марте 1924 года. Основное же внимание нового президента было сосредоточено на том, чтобы в кратчайший срок провести меры, которые способствовали бы повышению явно пошатнувшегося авторитета республиканской партии. К тому же до очередных президентских выборов оставалось немногим больше года.

Во внешней политике Кулидж оставался верен крайне консервативной и изоляционистской внешней политике своего предшественника. В декабре 1923 г. Кулидж уполномочил государственного секретаря Юза заявить, что Соединенные Штаты не намерены признавать Советскую Россию до тех пор, пока большевики не компенсируют Штатам конфискованную в результате социалистической революции американскую собственность. Кулидж был настроен категорически против вступления США в Лигу Наций. Став президентом, он поспешил объявить, что намеревается выставить свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах 1924 года. Учитывая краткость оставшегося до выборов срока, Кулидж начал предпринимать срочные меры, дабы американские избиратели не связывали его имени со скандальными происшествиями, имевшими место при Гардинге. Уже в 1924 г. была издана биография Кулиджа, характеризующая его как богобоязненного, честного, бережливого и принципиального государственного деятеля, представлявшего полную противоположность Гардингу по взглядам на жизнь. Сам Кулидж также старался при случае противопоставить себя людям, живущим не по средствам, но никогда при этом не называл конкретных имен.

Даже в изданной в 1929 г. автобиографии Кулидж вновь и вновь возвращается к этому вопросу. Рассказывая о годах своего пребывания на посту вице-президента, он, в частности, писал: «Я был поставлен перед необходимостью жить в пределах дохода, несколько превышавшего мое жалованье, и должен был нести расходы по обучению моих сыновей». «Нет достоинства более внушительного и независимости более значительной, чем умение жить в пределах своих возможностей» ²⁸, — фарисейски восклицал он. Справедливости ради следует сказать, что бережливость, граничащая со скупостью, действительно была ему присуща. Но это качество проявлялось лишь в тех случаях, когда дело касалось личных средств президента. В вопросах же расходования государственных средств он был крайне расточителен, о чём свидетельствует Э. Х. Гувер, прослуживший старшим дворецким в Белом доме в течение 42 лет и имевший возможность наблюдать за повседневной жизнью девяти президентов. «Было бы вполне справедливым сказать, что правление Кулиджа было наиболее дорогостоящим для правительства из всех существовавших до настоящего времени. Причин тому было много. Семья Кулиджей оказалась первой, в отношении которой был впервые применен закон об оплате правительством официальных расходов президента. Этот закон был принят при Гардингах, но они не успели им воспользоваться» ²⁹.

²⁷ 17 августа Кулидж повторно принес присягу в качестве президента в Вашингтоне с соблюдением всех формальностей, поскольку печатные органы демократической партии не замедлили подвергнуть сомнению законность принесения присяги Кулиджем в семейной обстановке.

²⁸ C. Coolidge. Op. cit., pp. 158—159.

²⁹ I. H. Hoover. Forty-Two Years in the White House. Cambridge (Mass.). 1934, pp. 125—126.

Итак, внешне все обстояло как будто бы иначе, чем при Гардинге. Сложившееся в республиканской среде представление о Кулидже как о человеке, воспитанном на бережливости и уважении к патриархальной добродетели, способствовало распространению убеждения, что провинциал Кулидж не подведет республиканскую партию и ей не придется вновь изворачиваться в попытках скрыть неприглядные факты личной жизни президента или оправдывать его колоссальные долги. (После смерти Гардинга обнаружилось, что бывший президент неудачно играл на бирже и оставил долги на сумму в 180 тыс. долларов.) Молчаливость нового президента воспринималась как признак серьезности и рассудительности. Рассказывали, что в собственном доме президента над камином висело в рамке такое четверостишие:

«Старая, мудрая сова сидела на дубе.

Чем больше она видела, тем меньше говорила.

Чем меньше говорила, тем больше слышала.

Почему же мы не можем походить на эту старую птицу?»³⁰.

...На каком-то этапе определения круга перспективных кандидатов на пост президента внимание боссов республиканской партии вновь привлек миллионер Г. Гувер, считавшийся хорошим экономистом, энергичным администратором и большим докой в европейских делах. Но с Гувером возникли непредвиденные трудности: он никак не мог решить, к какой партии ему хотелось бы принадлежать. В марте 1924 г. он все еще называл себя независимым прогрессистом. Когда же в апреле Гувер, наконец, решился примкнуть к республиканцам, на организацию его предвыборной кампании практически не оставалось времени, и от серьезного рассмотрения его кандидатуры республиканцам пришлось тогда отказаться.

В этих условиях ни для кого не явилось неожиданностью, что делегаты республиканского национального съезда без особых разногласий утвердили на пост президента США «мистера статус-кво», то есть Кулиджа. Правда, предложение председательствующего на съезде считать утверждение кандидатуры Кулиджа единогласным было встречено с негодованием группой делегатов, поддерживавших кандидатуру сенатора Лафоллетта. Но их возмущенные выкрики не обескуражили председателя. С завидным хладнокровием он провозгласил: «Решение выдвинуть Кальвина Кулиджа на пост президента Соединенных Штатов утверждается единогласно, за исключением всего лишь нескольких голосов»³¹. Протест оппозиции был заглушен аплодисментами сторонников Кулиджа. В обстановке необычного для национальных съездов спокойствия и благодушия республиканцы утвердили и своего кандидата на пост вице-президента — генерала и банкира Ч. Дауэса.

Республиканский съезд одобрил также политическую платформу партии на предстоявших президентских выборах. Ее основные требования: установление более низких налогов на крупный капитал и повышение таможенных тарифов, ложившихся дополнительным бременем на трудящихся. Тема борьбы с коррупцией была затронута в самых общих выражениях, причем в тексте платформы настойчиво проводилась мысль о том, что проявления коррупции отнюдь не являются недостатками, присутствующими одной лишь республиканской партии. В платформе содержались требования наказания лиц, виновных в злоупотреблениях, но там же одновременно осуждались попытки очернить «невиновных» и подорвать веру в непогрешимость руководителей государства. За исключением нескольких сенаторов никто в республиканской партии не хотел акцентировать внимания избирателей на этом щекотливом вопросе накануне выборов.

Либеральный еженедельник «The New Republic» так отзывался о платформе республиканцев: «Они твердо придерживаются старого заблуждения, что высокие таможенные тарифы, обогащая индустрию, повышают ее покупательную способность и тем самым обеспечивают рынок для сельскохозяйственных продуктов. Пусть фермер платит на 50% дороже цены на мировом рынке за свою одежду, бакалейные товары и за все необходимое для его фермерского хозяйства. Те, кто его эксплуатирует, по-

³⁰ M. E. Hennessy. Calvin Coolidge. From a Green Mountain Farm to the White House. N. Y. 1924, p. 147.

³¹ H. U. Faulkner. Op. cit., p. 212.

лучают достаточно денег, чтобы приобретать продаваемые фермером масло и яйца, овощи и фрукты с большей легкостью, чем они могли это делать раньше. Разрешите мне воспользоваться вашим кошельком. Я обогащу вас потом, оплачивая ваш труд частью его содержимого. Таково в общих чертах предложение, делаемое фермеру бизнесменами, написавшими республиканскую платформу»³².

Национальный съезд демократической партии, состоявшийся в июне 1924 г. в Нью-Йорке в зале Мэдисон Сквер Гарден, проходил бурно. Ведущие претенденты выбывали один за другим в ожесточенной борьбе. «Темные лошадки» с надеждой взирали на крушение лидеров, полагаясь на извечный слепой случай (а точнее, на очередную сговор в «прокуренной комнате»), который определит их судьбу. Борьба между кандидатами и поддерживавшими их группировками и фракциями осложнилась присутствием в зале в качестве делегатов большого числа членов активизировавшего свою деятельность Ку-клукс-клана³³. Направленные на национальный съезд местными организациями демократической партии западных и южных штатов, ку-клукс-клановцы, получившие поддержку значительного числа других делегатов, воспрепятствовали включению в текст политической платформы осуждения Ку-клукс-клана и его расистской политики. Присутствие в зале большой группы оголтелых расистов существенно отразилось на работе национального съезда. Делегаты не покидали Нью-Йорк в течение 16 дней. Было проведено свыше 100 туров голосования, не давших преимущества ни одному из ведущих претендентов. На различных этапах голосования внезапно возникали и так же внезапно исчезали их имена. В ходе съезда было обсуждено 60 возможных кандидатов. Только в 103-м туре делегаты утвердили кандидатом на пост президента от демократической партии нью-йоркского юриста Д. Дэвиса. Кандидатом на пост вице-президента был выдвинут губернатор штата Небраска Ч. Брайан.

Выдвинув кандидатуру юриста, близкого к финансовым кругам Уолл-стрита, в частности к финансовому дому Моргана, демократическая партия лишилась основного козыря своей предвыборной политической пропаганды — возможности акцентировать внимание избирателей на тесных связях республиканского правительства с промышленно-финансовыми кругами и на коррупции, процветающей на этой благодатной основе. В связи с выдвижением кандидатуры Дэвиса либеральная американская печать припомнила ряд не столь давних судебных дел, возбужденных новоиспеченным кандидатом демократической партии по иску своих клиентов с Уолл-стрита и приведших к аресту и осуждению лидеров рабочего движения США. Читателям напоминалось, что Дэвис являлся не только юристом Уолл-стрита, но и директором крупных банковских и промышленных корпораций, среди которых были «Нэшнл Бэнк оф Коммерс», «ЮС Раббер Компани» и др.³⁴.

«Американская политическая продажность», как называл В. И. Ленин одну из характерных черт внутривнутриполитической обстановки в Соединенных Штатах эпохи империализма³⁵, была слишком опасной темой межпартийной предвыборной борьбы, и выдвижение кандидатуры Дэвиса удачно предотвратило ее дальнейшее развитие. В речи по поводу утверждения его кандидатуры Дэвис, как и следовало ожидать, ни словом не обмолвился о необходимости борьбы с ростом монополий и засильем монополистического капитала в правительственном аппарате страны. Политическая платформа демократической партии предусматривала создание государственного торгового флота, проведение переговоров между ведущими державами мира по вопросам разоружения, предоставление независимости Филиппинам и проведение общенационального референдума по вопросу о вступлении США в Лигу Наций.

Впервые в истории страны ход работы национального съезда демократической партии транслировался по радио. Многочисленные радиослушатели в различных уголках страны получили возможность познакомиться с особенностями внутривнутриполитической борьбы в США и, надо сказать, были неприятно поражены балаганной зрелищ-

³² «The New Republic», June 25, 1924, p. 117.

³³ К 1924 г. в этой расистской организации насчитывалось около 4,5 млн. «белых лиц мужского пола, граждан Соединенных Штатов».

³⁴ См. «The Nation», vol. 119, № 3091, October 1, 1924, pp. 324, 327.

³⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 355.

ностью съезда и обилием словесной грязи, выливаемой не только на политических противников, но и на конкурентов по партии. Если верить американским историкам, неприятный осадок, оставшийся у американских избирателей от трансляции по радио хода демократического съезда, существенно повлиял на исход президентской кампании 1924 года. Либерально настроенные члены обеих ведущих партий были разочарованы результатами своих национальных съездов. Собравшись в начале июля 1924 г. в Кливленде, они возродили прогрессистскую партию, совсем было угасшую со смертью Т. Рузвельта. Новым лидером партии и ее кандидатом в президенты был избран сенатор Р. Лафоллетт. Платформа прогрессистов призывала не допускать установления контроля трестов над правительством и экономикой Соединенных Штатов, выступала за повышение налогов на наследство и чрезмерно высокие прибыли, требовала установления государственной собственности на водные ресурсы, наиболее важные для экономики страны природные богатства и железные дороги, а также снижения тарифов, поддерживала идею отмены воинской повинности, существенного сокращения вооружений и объявления войны вне закона, подвергала осуждению внешнюю экспансию американского капитала. Критикуя политику республиканского правительства, предоставившего американским монополиям практически ничем не ограниченную возможность оказывать выгодное им влияние на внешнюю политику США, Лафоллетт заявлял, что «с начала администрации Гардинга — Кулиджа наша внешняя политика формировалась в основном с учетом интересов либо Стандарт Ойл, либо Морган энд Компани»³⁶.

Политическая программа прогрессистов получила поддержку социалистической партии США, Американской Федерации труда (АФТ), а также либеральной интеллигенции, широких фермерских масс, мелкой городской буржуазии и рабочих. «На сегодняшний день испытывается нужда в честном человеке, — писал в те дни *«The Nation»*, — в искренности которого ни у кого не может возникнуть сомнений и который бы доказал, что он готов заплатить любую цену за свои убеждения и что он беззаветно предан общественным интересам. Такого человека сегодня нельзя найти ни в республиканском, ни в демократическом лагере, так как Роберт Лафоллетт уже покинул республиканцев». Но даже этот журнал, всегда выступавший за безоговорочную поддержку прогрессистской партии и ее кандидата, подверг суровой критике политическую платформу прогрессистов за «непростительное отсутствие требования признать Россию»³⁷.

Программа прогрессистской партии была типичным образцом политической демагогии буржуазного реформизма, хотя и содержала отдельные, отвечавшие веяниям времени предложения и требования. Поддержка, оказанная программе прогрессистов либеральной общественностью, а также отдельными рабочими и фермерскими объединениями и организациями, всерьез встревожила и республиканцев, и демократов. Кандидат на пост вице-президента от республиканской партии Дауэс пугал американских избирателей возможными последствиями победы прогрессистской партии — этих, как он заявлял, «красных революционеров, пытающихся разрушить существующие общественные институты, в том числе конституцию США»³⁸. «Вопрос заключается в том, — заявлял он, — стоите ли вы на скале здравого смысла с Кальвином Кулиджем или же на зыбучих песках социализма с Робертом Лафоллеттом»³⁹. Страх демократической партии перед популярностью прогрессистов также имел свои основания. Прогрессистская партия, как показал исход выборов, лишила демократов большого числа голосов.

Поведение Кулиджа в ходе предвыборной кампании 1924 г. может служить красноречивым примером того, как опасно затрагивать «тонкий лед» в выступлениях перед избирателями. Президент побил все рекорды осторожности, не сказав ни об одном спорном вопросе, волновавшем в те годы широкую американскую общественность, будь то «сухой закон» или деятельность Ку-клукс-клана. Кулидж не обмолвился ни единым словом относительно обвинений республиканской партии в корруп-

³⁶ *«The Nation»*, vol. 119, № 3091, October 1, 1924.

³⁷ *«The Nation»*, vol. 119, № 3078, July 1924, pp. 4, 64.

³⁸ Цит. по: *«The New Republic»* September 24, 1924, p. 111.

³⁹ A. M. Schlesinger. *Op. cit.*, p. 60.

ции, но зато охотно рассуждал на абстрактные и совершенно безопасные темы. Он высказывался лишь в пользу того, что не вызывало сомнений практически ни у кого — режима экономии, снижения государственной задолженности, необходимости процветания страны, уважения библии, защиты конституции и гражданских прав. Ни один из лидеров республиканцев — ни Кулидж, ни Дауэс, ни Юз, ни Гувер — не проронил в своих выступлениях ни единого слова в осуждение потрясших страну скандальных историй, игнорируя самое существование Фолла, Догерти, Форбса, Миллера и других. Республиканская партия и ее официальные ораторы вели себя так, будто ни скандалов, ни их виновников вовсе не было. Лишь в феврале 1924 г. (за четыре месяца до своего выдвижения на новый срок), выступая в Нью-Йорке, Кулидж заявил, что питает отвращение ко взяточничеству, и обещал преследовать виновников в мошеннических операциях независимо от их партийной принадлежности. (Было подсчитано, что в 82 речах, произнесенных им за 4 года своего второго срока пребывания на посту президента, Кулидж ни разу не возвращался к этой теме). Республиканские ораторы утверждали, что Кулидж является честным человеком и можно не сомневаться в том, что он оставит на государственных постах лишь честных людей. Этот аргумент успокоил многих избирателей.

Незадолго до президентских выборов 1924 г. журнал «Literary Digest» на основе результатов проведенного им опроса общественного мнения в стране предсказал победу республиканскому кандидату. Кулидж получил чуть ли не вдвое больше голосов, чем его основной соперник Дэвис (15,7 млн. голосов против 8,3 млн.). Лафоллетт собрал около 5 млн. голосов. Говоря о внушительной победе Кулиджа, не следует, однако, забывать, что в президентских выборах 1924 г. приняли участие лишь 52% зарегистрированных избирателей. Кулидж пополнил список американских президентов, избранных меньшинством американского народа. «35 лет назад он (Кулидж. — Э. И.) завязал сношения с аппаратом республиканской партии в штате Массачусетс и при поддержке организации был выбран на самый, пожалуй, мелкий политический пост — члена муниципалитета маленького города... Никогда, ни при каких обстоятельствах он не делал ничего, что противоречило бы воле организации. Он поднимался по политической лестнице от одной должности к другой: из члена муниципалитета он стал членом палаты делегатов, затем сенатором штата, помощником губернатора и, наконец, губернатором. Везение и реклама, с помощью которой удалось превратить забастовку полицейских в Бостоне из отрицательного для него факта в положительный, сделали его вице-президентом, «рука божья» сделала его президентом, а процветание страны и пропаганда обеспечили ему избрание в 1924 г.»⁴⁰, — такова в общих чертах политическая карьера Кулиджа.

Второй срок пребывания Кулиджа в Белом доме совпал с периодом экономического бума в США. Деловые круги страны, оказавшие существенную поддержку президенту в ходе выборов 1924 г., ожидали от него благодарности и не разочаровались. Правительство Кулиджа установило предельно низкие закупочные цены на сельскохозяйственное сырье, подлежащее использованию в промышленности, и самую низкую заработную плату рабочим, занятым в промышленности. С целью защиты интересов и высоких доходов национальной промышленности правительством Кулиджа были установлены высокие таможенные тарифы на ввозимую в страну иностранную готовую продукцию. Налоги на корпорации, в том числе и подоходные, понижались, дальнейшая концентрация производства и рост монополий всячески поощрялись. (Концентрация монополистического капитала происходила особенно активно в автомобильной, химической, радио- и электроэнергетической, а также в бурно расцветавшей кинопромышленности.) Одновременно с этим правительство Кулиджа активно способствовало принятию законов, направленных против растущего рабочего движения. Политическая и экономическая власть в стране была полностью передана в руки финансово-монополистического капитала и его представителей в республиканском правительстве. «Не осталось и следов былой маскировки. Правительство и большой бизнес стали идентичными понятиями»⁴¹.

⁴⁰ Ф. Кент. Указ. соч., стр. 49—50.

⁴¹ H. U. Faulkner. Op. cit., p. 223.

«Основным занятием Америки является бизнес»⁴², — заявил президент Кулидж в начале 1925 г., выступая перед Обществом американских редакторов газет, и деловая Америка истинно занималась бизнесом — «делала деньги». «Вся страна была охвачена «денежным безумием» — церкви, школы, дома, все. Вместо того, чтобы стараться помочь своим собратям, американцы пытались нажать на них деньги»⁴³, — пишет, характеризуя обстановку в стране в те годы, американский историк А. Шлезинджер. Как и ожидалось от ставленника монополистического капитала, Кулидж обожествлял бизнес, делал из него религию Америки. Ему принадлежат слова: «Человек, который строит завод, сооружает храм... Человек, который работает там, поклоняется божеству»⁴⁴.

За годы пребывания Кулиджа в Белом доме национальный долг США был полностью ликвидирован, значительно выросли американские государственные и частные капиталовложения за рубежом. Все это записывалось республиканцами в актив президента и своей партии. В заслугу президенту ставилось и заключение международного соглашения, объявлявшего войну как средство разрешения международных споров вне закона. Под давлением мирового общественного мнения, требовавшего немедленного и всеобщего разоружения, роспуска армий, прекращения военного производства, ликвидации военного обучения, империалистические державы были вынуждены заключить пакт Бриана — Келлога (названный так в честь его соавторов — государственного секретаря США Ф. Келлога и министра иностранных дел Франции А. Бриана). Когда всесторонняя программа разоружения была выдвинута Советским Союзом в ноябре 1927 г. в Женеве, летом 1928 г. США и Франция выступили с контрпредложением об объявлении войны вне закона. Подписав пакт, США, Англия и Франция, однако, зарезервировали за собой право вести «оборонительные войны». Сенат США не замедлил вынести частное определение по этому вопросу, заявив, что Соединенным Штатам принадлежит исключительное право уточнения, что именно является «самообороной» в каждом конкретном случае. Под прикрытием пакта и демагогических пацифистских заявлений, США и другие империалистические страны приступили к осуществлению далеко идущих планов перевооружения и усиления своих армий и флотов. Таковы были истинные цели заключенного пакта, но подобные детали до сведения американской общественности не доводились, и таким путем Кулидж прибавил к своим фиктивным свершениям еще одно — «предотвращение будущих войн».

Вопреки огромному числу приписываемых ему деяний, президент оставался все тем же крайне заурядным государственным деятелем, стечением обстоятельств и волею монополистического капитала поставленным во главе страны. Большинство американских историков утверждает даже, что Кулидж был не просто заурядным, а одним из наиболее бездеятельных и неэнергичных президентов за всю историю Соединенных Штатов. Об этом свидетельствуют также высказывания самого Кулиджа и многих его современников. «За все время моей работы здесь, — писал уже упоминавшийся служитель Белого дома, — никто из президентов не спал больше, чем он»⁴⁵. В «Автобиографии» Кулидж писал, что основным правилом его жизни является «не делать никогда того, что может за тебя сделать другой»⁴⁶. Оправдывая свое прозвище «молчаливый Кэл», он рекомендовал ни при каких обстоятельствах не говорить ничего лишнего. «То, чего я не говорю, — поучал президент, — никогда не доставляет мне неприятностей»⁴⁷. «Способность г-на Кулиджа к безделью развита до чрезвычайной высокой степени, — считал У. Липпман. — Это далеко не праздное безделье. Это непреклонное, решительное, настороженное безделье, которое стало постоянным занятием г-на Кулиджа... Безделье — это политическая философия и партийная программа г-на Кулиджа». Когда Кулиджа спросили, благодаря чему ему удается так хорошо выглядеть, президент совершенно серьезно ответил: «Благодаря то-

⁴² Цит. по: M. Lerner. *America as a Civilization*. N. Y. 1957, p. 8.

⁴³ A. M. Schlesinger. *Op. cit.*, p. 75.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 57.

⁴⁵ J. H. Hoover. *Op. cit.*, p. 268.

⁴⁶ Цит. по: A. M. Schlesinger. *Op. cit.*, p. 57.

⁴⁷ Цит. по: H. U. Faulkner. *Op. cit.*, p. 205.

му, что я избегаю сложных проблем»⁴⁸. Президент отказался даже от телефона в своем кабинете, чтобы никто не нарушал его безделья.

Зная о легендарной неразговорчивости президента, можно было предположить, что в августе 1927 г. он произнес именно то, что намеревался сказать. Заявление Кулиджа, что он не хочет баллотироваться в президенты в 1928 г., явилось полной неожиданностью для республиканской партии, переживавшей невиданный расцвет и активно пожинавшей плоды экономического бума в стране. По воспоминаниям современников, заявление президента изумило даже его близких. Слова президента обсуждались в течение многих месяцев радиокомментаторами и газетными обозревателями, пытавшимися угадать, что именно он имел в виду, сказав, что «не хочет» баллотироваться на очередных президентских выборах. Означало ли это заявление, что Кулидж не выставит своей кандидатуры? Или он будет готов ее выдвинуть, если его об этом попросит республиканская партия? Многие американские историки сходятся во мнении, что Кулидж заявил лишь о своем намерении лично не выдвигать своей кандидатуры в 1928 г., но что он был явно готов согласиться с выдвижением его кандидатуры республиканской партией.

Памятуя о необычайной лаконичности Кулиджа, можно предполагать, что он все-таки чего-то по своему обыкновению не договорил. Об этом свидетельствовало, в частности, и то, что вскоре после сделанного им заявления Кулидж стал проявлять особый интерес к встречам с «нужными» и влиятельными в республиканской партии людьми, которых нередко оставлял ночевать в Белом доме, что считалось необычным явлением. Несмотря на попытки близких к президенту лиц добиться от него вразумительного ответа относительно его планов на будущее, так никому и не удалось это сделать. Кулидж отмалчивался или же отделывался ничего не значащими фразами: «Ну что вы, ведь вокруг так много хороших людей» или «Я и так довольно долго здесь задержался». Создавалось впечатление, что ему доставляет удовольствие видеть повышенный интерес к его личности и что он не хочет ни в коем случае прекращать шумихи, поднятой вокруг его заявления. Двумя годами позже Кулидж таким образом пытался разъяснить занятую им позицию: «Делая свое публичное заявление, я был осторожен в выборе слов. Некоторые утверждали, что они были озадачены, пытаясь понять, что же именно скрывалось за моими словами: «Я не хочу выставлять свою кандидатуру на выборах». Были и другие, которые настойчиво требовали, чтобы я заявил, что в случае выдвижения моей кандидатуры я откажусь от этого предложения. Заявление такого рода не соответствовало бы моему представлению о требованиях, налагаемых президентским постом»⁴⁹. Это запутанное и двусмысленное «разъяснение» свидетельствовало о надежде Кулиджа на выдвижение его кандидатуры съездом республиканской партии.

Но этого не произошло. Непонятная игра, затеянная президентом, пришлась не по душе боссам республиканской партии. Складывалась довольно серьезная ситуация, и не реагировать на нее было рискованно. Не дождавшись уточнения действительных намерений президента, республиканские боссы энергично занялись поисками подходящей замены Кулиджу. Долго им искать не пришлось: министр торговли в кабинете Кулиджа Г. Гувер с давних пор не скрывал своего интереса к Белому дому и официально включился в предсъездовскую борьбу. Первой поддержала кандидатуру Гувера газета «Chicago Tribune», за ней последовали другие ведущие газетные объединения США. Когда же в его поддержку выступил газетный концерн Скриппса-Говарда, исход работы республиканского национального съезда был решен. На съезде республиканской партии, открывшемся в июне 1928 г. в Канзас-Сити, соперников у Гувера практически не оказалось, и его кандидатура на пост президента была утверждена. По воспоминаниям современников, после этого президент потерял всякий интерес к дальнейшей работе республиканского съезда. Когда Кулиджу сообщили о выдвижении на пост вице-президента сенатора Ч. Кёртиса, он резко ответил, что ему до этого нет никакого дела, демонстрируя свое отрицательное отношение ко всему, что происходило в Канзас-Сити. Кулидж даже не пытался скрывать, что он оскорблен в своих «лучших чувствах» и обижен. Гувер так и не дождался от своего предшественника официального благословения.

⁴⁸ J. D. Barber. Op. cit., p. 147.

⁴⁹ C. Coolidge. Op. cit., pp. 243—244.